

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНЕЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Концепция идентичности является одной из самых новых в современной культурной антропологии и археологии. В раннем железном веке общества, населявшие умеренную зону Евразии, в большинстве своем были бесписьменными. Существует точка зрения, согласно которой в таких коллективах главную роль в сохранении и поддержании традиций играла память, а различные социальные группы «опознавались» визуально: по одежде, ее элементам, способам украшения тела, особым нормам поведения. Представляется, что внутри общества, представленного памятниками саргатской общности, также могли существовать своеобразные «определители» социальных статусов, равно как и способы отличия «своих» от «других». Наглядные примеры представлены материалами немногочисленных неграбленных погребений в могильниках Сидоровка, Исаковка, Тютринский, а также другими «менее выразительными» коллекциями. В статье, основой которой стали археологические материалы, представлены главные направления современной научной мысли, рассматриваются различные проявления социокультурной идентичности населения Зауралья.

Ключевые слова: Зауралье, ранний железный век, материальная культура, идентичность.

Попытки объяснения в археологии стремления «распознать» группы людей, оставивших те или иные археологические памятники, всегда привлекали внимание исследователей. Обсуждения возможности интерпретационного направления в археологии на основе современных теоретических подходов по популярности не уступают другим значимым теоретическим сюжетам (к таковым некогда относились дискуссии о сущности понятия «археологическая культура»). Данная тема тесно связана с проблемой идентичности, а само слово «идентичность» в последние годы употребляется довольно часто, причем не только в научной и политической, но и иной публицистике. В отечественных изданиях термин «идентичность» основательно потеснил, а кое-где и полностью вытеснил привычные в употреблении слова вроде «самосознания» или «самоопределения». Об идентичности – «национальной», «этнической», «культурной», «этнокультурной» и иной, говорят много и охотно, однако смысл употребляемых понятий не всегда одинаков. Идентичность как философская категория, а также

психологические и социальные аспекты, порождающие рассуждения об идентичности, всесторонне и основательно рассмотрены В. С. Малаховым [1998]; но все же наиболее полное освещение она получила в исследовании психологии гендера [Чекалина, 2001; 2006] и в изучении феномена этничности [Тишков, 2003].

В свете многообразия исследовательских подходов представляется интересным обобщить некоторые размышления о сущности идентичности, соотнося их с чрезвычайно богатой палитрой ее проявлений в археологических источниках.

Поскольку в отечественной культурной традиции «идентичность» передавалась обычно как «тождество», русскому уху не слышно то, что в романо-германском культурном ареале воспринимается как естественное. В социально-философской литературе оба термина используются синонимами [Малахов, 1998. С. 43–45]. Употребление термина «идентичность» в социально-гуманитарных науках (культурной антропологии, социологии, социальной психологии) долгое время идет по параллельному с фи-

лософией руслу. Представители разных школ американской социальной психологии Дж. Мид и Ч. Кули еще в начале XX в. определили идентичность как категорию социального знания – личностная целостность, «самость» (*self*) не есть а priori человеческого поведения, а складывается из свойств, продуцируемых в ходе социального взаимодействия [Cooley, 1964; Mead, 1967]. Иными словами, идентичность – изначально социальное образование, индивид видит (а значит, и формирует) себя таким, каким его видят другие, что позволяет утверждать – у индивида не одна, а несколько идентичностей [Marquard, 1979].

Социальные аспекты идентичности тесно связаны с изучением проблемы самореализации личности и гендерных ролей [Чекалина, 2001]. Как известно, гендерный подход рассматривает индивидуумов как социальные личности (см., например, обзорную работу: [Sørensen, 2000]). Современная наука различает биологический пол и социально-психологический пол как совокупность социокультурных и поведенческих характеристик и ролей, определяющих личный и социальный статус мужчины и женщины в обществе [Чекалина, 2001]. Поскольку биологически данный пол еще не делает человека мальчиком или девочкой, мужчиной или женщиной, различные гендерные группы формируются через социальное научение [Shennan, 2003; Joyce, 2007; Sofaer, 2007]. И лишь осознание своей принадлежности к тем или иным социальным группам превращает человека из биологической особи в социального индивида и личность, позволяя ему оценивать свои социальные связи и принадлежности в терминах «мы» и «они». Забегая вперед, стоит отметить, что наиболее выразительно исследование социальной идентичности в археологии видится в изучении гендерных отношений.

В то же время в мировой литературе представлена точка зрения, согласно которой осознание групповой принадлежности как бы заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания [Show, Wong, 1989] (цит. по: [Тишков, 2003. С. 100]). В частности, не всеми признаваемая теория расширенного фенотипа (*extended phenotype*), представленная Р. Докинзом [Dawkins, 1982],

предполагает три уровня человеческой эволюции. Биологическая эволюция действует на уровне генов; культурная осуществляется через *мемы*, где *тете* – единица информации, воздействующая на фенотип, которые передаются через имитацию или обучение; социальная эволюция действует на уровне практик (единицы взаимного действия, которые определяют социальные роли) [Shennan, 2003. P. 31–51].

При всей недавности самого понятия / термина, пожалуй, наиболее ранние надежно документированные примеры культурной / этнической схожести и различия представлены трудами античных авторов. Ко времени Аристотеля относится ставший хрестоматийным пример – *ethnos* во множественном числе начинает употребляться как обозначение не-греков, т. е. как синоним «варвары», в противоположность эллинам. Эта дихотомия между не этническими «мы» и этническими «другие» дожила до сего дня. И уже из современного понимания сложились такие понятия, как этническая идентичность, этническое происхождение и пр. Этнографические материалы представлены исследованиями локальных идентичностей различных этнических групп, сделав интерес к данной сфере не только важным, но и популярным¹ [Тишков, 2003; Головнёв, Зевако, 2008].

В культурной антропологии и археологии концепция идентичности стала предметом нарастающего исследовательского интереса относительно недавно [The Archaeology..., 2007; A Companion..., 2007; Крадин, 2009], сформировавшись в русле бихевиористского подхода процессуальной школы. В основе этого направления лежала мысль, что исследование археологического материала не должно ограничиваться лишь его описанием, оно должно включать и истолкование [Binford, 1965; Clarke, 1968]. Именно перенос внимания на процессуальность, а не на процесс, позволяет выявить культурно-отличительные группы в их социальном действии. Общим для большинства работ было то, что существенное внимание стало отводиться роли личности или группы. Признавая в целом субъективную природу явле-

¹ На момент подготовки рукописи вышел очередной выпуск Уральского исторического вестника, в котором опубликованы материалы по исследованию этничности и идентичности в истории (2011, № 2).

ния, исследователи используют идентичность преимущественно в ситуациях, когда определяется отличительность от других [Romanucci-Ross, de Vos, 1995. P. 350], различая таким образом культурную, личностную / индивидуальную и социальную [Nodos, 2010]. Культурная идентичность может характеризовать ту или иную отдельную группу (применительно к археологии – культуру) при условии существования преемственности в передаче и сохранении ее ценностей, обычаев и осуществляется посредством использования общих способов изготовления материальных предметов [Ibid. P. 20]. Предполагается, что внутри нее присутствует иная форма – индивидуальная, выражаемая посредством «я». Возможно, данная форма более субъективна, поскольку индивиду присущи желание, сознание и т. п., и, что весьма примечательно, археологически абсолютно не фиксируемо. Одним из основных компонентов социальной идентичности является знание о принадлежности, выраженной в формуле «мы»; ей присущи и такие формы, как этническая и гендерная идентичности [Малахов, 1998; Nodos, 2010]. В последние годы активное влияние социологии, философии прочно закрепило «идентичность» в категории междисциплинарного знания, расширив интерпретационные возможности археологического источника, выводя его за рамки привычного вещеведения.

В частности, работы многих западных авторов позволили П. Вэльсу определить три ключевых аспекта, лежащих в основе принципов идентичности в археологии [Wells, 2004]. Прежде всего, это гипотеза, предполагающая, что древние люди выражали себя посредством создаваемой ими материальной культуры, которая, в свою очередь, являлась не только и не столько отражением взаимодействия человека с окружающей и социальной средой (как-то поиск и приготовление пищи, строительство жилищ и поселков, столкновения и конфликты). Кроме того, идентичность – категория динамичная, индивиды и группы не только создавали свою идентичность, но при определенных обстоятельствах осознание собственной принадлежности могло меняться, а следовательно, вариативны и ее проявления. И, наконец, разнообразие проявлений предполагает, что отдельные индивиды все же более, чем группы, могли обла-

дать выбором в способах и средствах выражения.

Эволюция исследовательских подходов привела к осознанию того, что существующие типологии в археологических интерпретациях позволяют классифицировать сосуды или иные категории артефактов, но никак не тех индивидов, которые их изготовили и потом использовали [Pikirayi, 2009]. Американский лингвист и антрополог К. Пайк предложил по аналогии с принятым в лингвистике делением на фонемическое и фонетическое выделять представления о своей культуре самих народов (*emic*, взгляд изнутри) и представления извне, которые принадлежат другим народам и / или исследователям (*etic*, взгляд снаружи) [Pike, 1954]. В рамках этого подхода появились пока немногочисленные публикации в отечественной археологии. По мнению Н. Н. Крадина, археологические типы – это уже *этнические* конструкции, созданные археологами по фрагментарным источникам [2009. С. 13]. В то же время определить, какое значение имели эти сосуды, орнаменты и украшения для носителей данных культурных традиций (*эмный* подход), едва ли представляется возможным. Попытка прочтения культурных символов и отбор маркеров культурной идентичности привели исследователей к изучению керамических стилей [Wobst, 1977; Wiessner, 1983]. Исследователи стилей в археологии отмечают, что стиль – это своего рода форма невербальных связей, которая визуально подчеркивает идею общей идентичности носителей данной культуры. Последнее есть дополнение к гипотезе социальной составляющей стиля, предложенной И. Павлу, согласно которой общность происхождения и принадлежность к одной культуре лежат в основе мировоззрения и эстетических представлений, что и определяет выработку того или иного стиля [Pavlu, 1996. P. 120].

Представляется, что внутри общества, представленного памятниками саргатской общности, могли существовать своеобразные «определители» социальных статусов, равно как и способы отличия «своих» от «других». Наглядные примеры представлены материалами немногочисленных неграбленных погребений в могильниках Тютринский [Матвеев, Матвеева, 1985], Исаковка [Погодин, 1989], Сидоровка [Матющенко, Татаурова, 1997], а также иными «менее вы-

разительными» коллекциями. В них, наряду с беспрецедентным по богатству инвентарем импортного происхождения, всегда находились лепные саргатские сосуды – символы «саргатской идентичности». Без них эти погребения, без сомнения, могли быть определены как оставленные кочевниками.

В определенной степени культурную самоидентификацию по отношению к другим общностям можно рассматривать как одно из проявлений чрезвычайно богатой палитры культурной вариативности. Так, например, в ходе изучения гончарных навыков зауральского населения эпохи железа было отмечено, что на многослойных поликультурных поселениях производилась выработка одного глинища различными группами населения, имевшими свои культурные традиции, что на макроуровне позволяет предположить существование собственных стилей, в то же время на микроуровне разнообразие керамических традиций может свидетельствовать о сохранении собственной культурной идентичности [Шарапова, 2010].

Во многих археологических исследованиях орнамент рассматривается как естественный признак отличия одних коллективов от других, как зашифрованный маркер группы – процесс, который предполагает «изготовление чего-либо определенным образом, и таким образом сообщать информацию о соответствующей идентичности» [Pavlu, 1996. P. 120–122]. Все же, несмотря на определенные сомнения [Шнирельман, 1993], керамические коллекции некоторых поселений показывают заметное отличие в орнаментации, которое не всегда улавливается статистически. Павлиново городище – памятник эпохи железа лесостепного Зауралья, культурные слои которого представлены двумя основными культурно-хронологическими горизонтами [Корякова и др., 2009]. Более пристальное рассмотрение сосудов, обнаруженных на полу сооружений 3 и 5 (данные постройки относятся ко второму строительному горизонту и датированы в пределах II – середины I в. до н. э. [Там же. С. 167–168. Рис. 7.1]), выявило довольно интересную картину. Кашинский тип представлен развалами сосудов и отдельными фрагментами, располагавшимися на уровне дна построек [Там же. С. 129. Рис. 5.12, 1–3, 4–5, 7–8]. Все сосуды изготовлены в четком соответствии керамическим традициям

(морфологические и технологические параметры соблюдены), даже орнамент представлен схожими элементами, однако композиционное построение узора выглядит таким образом, что декор керамики из постройки 5 очень плотный, а у емкостей из жилища 5 узор более разреженный. С большой осторожностью можно предположить, что подобным образом выражалась индивидуальная форма идентичности обитателей конкретных жилищ. Известно, что многие исследователи отводят особую смысловую нагрузку древней керамике, допуская, что она являлась средством выражения отношений как внутри группы, так и между ними, передавая информацию, которая, возможно, не могла быть выражена открыто [Корукова, 2006]. Данное обстоятельство дополняет выдвинутую ранее гипотезу, согласно которой керамическая посуда довольно часто выступает как средство отличия групп, выраженное в формуле «мы / они» [Orton et al., 1993. P. 227].

Яркие археологические открытия последних лет позволили исследователям не только оценить тенденцию социального развития на евразийском пространстве, но и отметить внешнее сходство некоторых археологических проявлений, в частности, в способах выражения статусных различий [Wells, 2006]. Применительно к эпохе железа общества, населявшие умеренную зону Евразии, в большинстве своем были бесписьменными. Главную роль в сохранении и поддержании традиций в таких коллективах играла память, а различные социальные группы «опознавались» визуально: по одежде, ее элементам, способам украшения тела, особым нормам поведения [Wells, 2004].

Принято считать, что бусы как составная часть элементов костюма (причем, археологически представленная лучше, нежели прическа и одежда), не только являются своеобразным социальным маркером того или иного индивида, но и позволяют рассматривать их как весьма специфический способ самовыражения. Помимо того, что бусы могут использоваться в качестве оберега или иметь иное ритуальное назначение, их дарят, ими обмениваются, они также визуально передают информацию о владельце другим индивидам или группам. По наблюдениям Е. М. Алексеевой, пышные наборы бус не являются показателями богатых погребений [1984]. Находки бус на памятниках

ках саргатской общности указывают, что стеклянные и каменные бусы были неотъемлемой частью как детского, так и взрослого костюма. Это может быть вызвано доступностью бус в результате существовавшей торговли на дальние расстояния. Большое число образцовых комбинаций позволили Н. П. Довгалюк предположить, что ожерелья были составлены торговцами-посредниками, которые учитывали вкусы и потребности покупателя [1998]. Типология позволит нам распределить бусы по группам, поможет даже определить центры изготовления, указать серийность изготовления бус или, напротив, индивидуальную навивку, однако предпочтения в выборе тех или иных наборов нам определить не под силу.

Осознание общего происхождения, культурной или физической схожести, или просто близости к своим, порождает разнообразие форм выражения. Прежде всего, речь идет о так называемых «телесных знаках», характерных для многих популяций. Из этнографии известно множество примеров манипуляций с телом как живых, так и умерших индивидов. Голова как часть тела и внешности в целом придает человеку только ему свойственные черты, отражая только ему присущую индивидуальность. Прическа, украшения, черты лица – своеобразный монтаж биологического и культурного, который отражает идентичность конкретного индивида. В материалах саргатских могильников зафиксированы несколько случаев прижизненной деформации головы [Daire et al., 2002; Ковригин и др., 2006; Sharapova, Razhev, 2011]. Краниологическое описание представителей данной весьма немногочисленной группы населения указывает на преднамеренный характер деформации циркулярного типа. Она осуществлялась путем бинтования головы через лоб и затылок с использованием одной или двух полужестких подкладок [Ражев, 2009. С. 149]. Контекстуальный анализ погребений [Шарапова, 2007] и анализ распространения этого обычая на территории При-тобольшья и Приишимья позволили отнести «деформантов» к представителям саргатской аристократии (рис. 1), ведущей свое происхождение от южных кочевников. Учитывая, что деформация головы ребенка может быть осуществлена только в очень раннем детстве, следует предположить, что

именно взрослые, прежде всего женщины-носительницы традиции, не только обладали генетической памятью, но и оценивали социальные связи и принадлежность детей к определенным социальным общностям и группам, т. е. выполняли так называемые социально-контролирующие действия, устанавливая, таким образом, у подрастающих индивидов их (детей) осознание «я». По мере развития или роста эта форма социальной идентичности становилась символом ранга, указывающим на положение того или иного индивида в системе вертикальных статусных отношений. Однако анализ социальных аспектов саргатской погребальной практики позволяет предположить, что макрокефалия не гарантировала ее обладателям высших ступеней иерархии саргатского общества [Sharapova, Razhev, 2011. P. 223].

Селективный принцип формирования саргатских некрополей позволил исследователям предположить, что все погребенные в курганы индивиды были людьми отнюдь не рядового статуса. Помимо прочих выявленных символов социальной власти, в число которых входят церемониальные различия, обращение с телом, пространственная организация кладбищ и структурные элементы погребений, исследователи отмечают и материальные статусные символы. Особого внимания заслуживают предметы вооружения, которые следует рассматривать в контексте социальной идентичности их обладателей. Заметная распространенность предметов вооружения и доспеха в сопроводительном инвентаре саргатских как мужских (до 60 %), так и женских (около 20 %) погребений позволила исследователям саргатской культуры предположить некую милитаризованность саргатского общества [Булдашев и др., 1997. С. 155]. Более того, выявленные на костях мужчин и особенно женщин патологии всадников вкупе с наличием стрел в женских захоронениях позволили также выдвинуть гипотезу о существовании женщин-воительниц в саргатском обществе [Матвеева, 2005. С. 164]. Некоторые современные интерпретации, подкрепленные историческими фактами и этнографическими свидетельствами, более категоричны, однако не подкреплены данными физической антропологии. Несмотря на некоторые оговорки, связанные с нахождением оружия в саргатских погребениях, Н. А. Берсенева сочла возможным интер-

Рис. 1 (фото). Кольцевая деформация на черепах: 1 – женский череп из погребения 2 кургана 11 могильника Карасье 9; 2 – мужской череп из погребения 2 кургана 6 могильника Гаёвский 1; 3 – мужской череп из погребения 4 кургана 6 могильника Мурзинский 1 (по: [Шарапова, 2007. С. 65. Рис. 4])

претировать некоторые травматические поражения у женщин боевыми [Berseneva, 2008]; близкая точка зрения по аналогии со скотоводческими обществами Евразии была высказана Б. Хэнксом [Hanks, 2008]. Имеющиеся сегодня данные антропологического анализа, прежде всего, исследования травматических поражений населения саргат-

ской общности, позволяют иначе взглянуть на известные материалы. Травмы зафиксированы на различных частях скелета, в данном аспекте наиболее информативными являются травмы черепа, поскольку фиксируются как зажившие повреждения, так и без следов заживления. Прежде всего, обращает внимание количество травмирован-

ных черепов. Д. И. Ражев обследовал 173 черепа, из которых только 9 содержат травматические повреждения (5 мужских и 4 женских из 8 могильников всех хронологических групп) [Ражев, 2009. С. 289–301]. В восьми случаях повреждения зафиксированы на своде черепа, в одном случае – перелом нижней челюсти. Только 5 черепов относятся к разряду боевых поражений, т. е. нанесенных с применением оружия; однако

данное наблюдение не означает, что эти ранения были получены непосредственно в ходе боевых столкновений. С учетом травм посткраниального скелета можно предположить, что около трети саргатских мужчин и женщин высшего слоя могли иметь такие травмы. Все костяки со следами поражения на черепах находились и в центральных, и в периферийных могилах. Сопутствующий инвентарь их более чем обычен (преимуще-

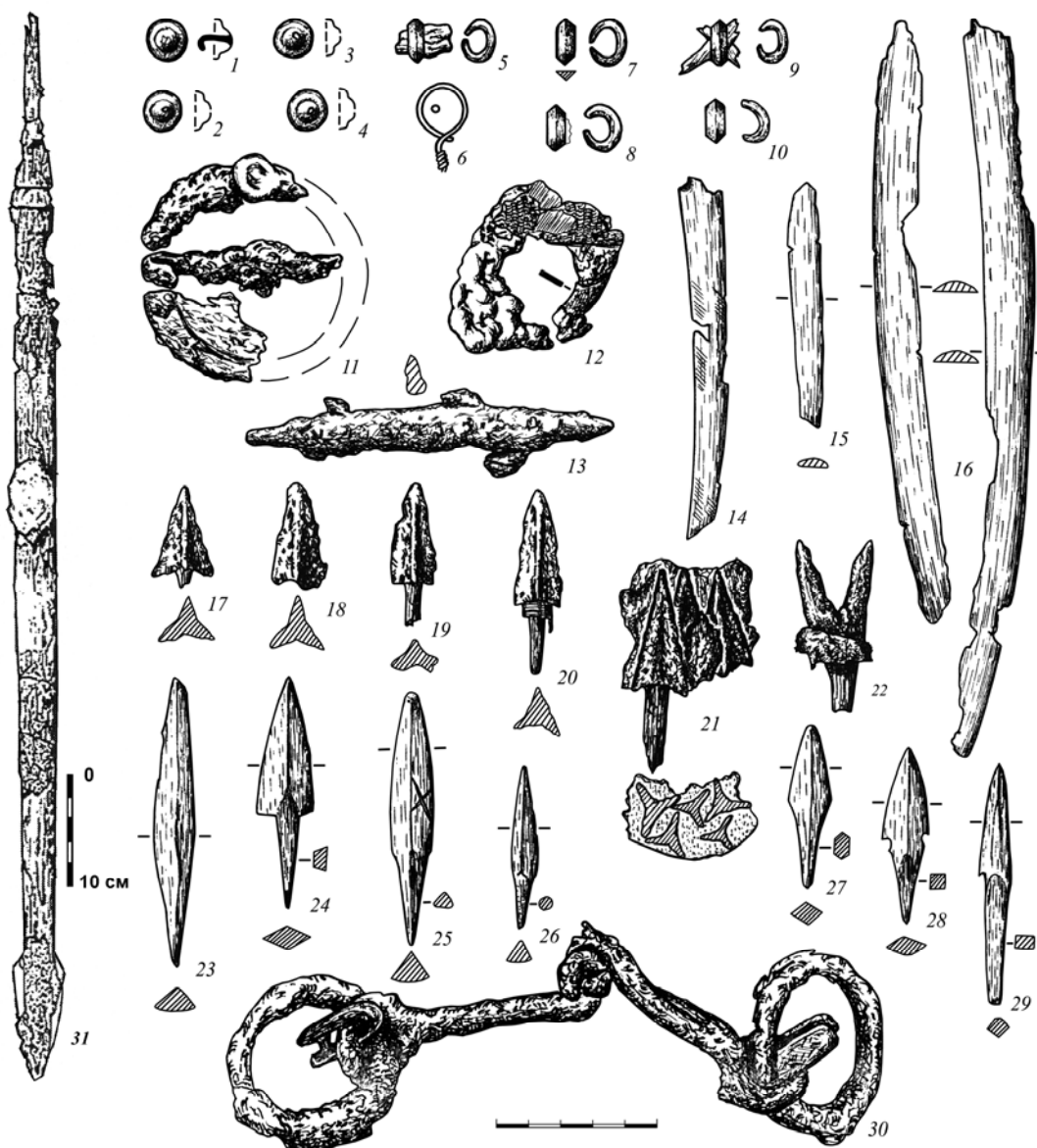

Рис. 2. Инвентарь из погребения 2 кургана № 6 Гаёвского 1 могильника: 1–4 – обоймы-фиксаторы конской узды; 5, 7–10 – бляшки-украшения колчана; 6 – серьга; 11–12 – пряжки поясной гарнитуры; 13 – нож; 14–16 – концевые накладки на лук; 17–29 – наконечники стрел; 30 – удила; 31 – меч (1–4, 7, 8, 10 – бронза; 5, 9 – бронза, кожа; 6 – бронза, серебро; 11–13, 17–22, 30, 31 – железо; 14–16, 23–29 – кость) (по: [Булдашев и др., 1997. С. 36–38. Рис. 19–21])

ственно стрелы, ножи и посуда, изредка в мужских погребениях находят бляхи и серьги, а также меч и кинжал) (рис. 2). Военные столкновения были распространены в саргатском мире, причем население выступало как агрессорами, так и жертвами, однако эти столкновения не были постоянными (для сравнения, в некоторых позднесарматских могильниках отмечается до 60 % лицевых травм и повреждений на черепе, определяемых как «военные», поскольку были нанесены в столкновениях лицом к лицу [Перерва, 2002]). Данному заключению не противоречат материалы раскопок саргатских поселений, где не зафиксированы сколько-нибудь заметные следы пожарищ.

Наблюдаемое «изобилие» предметов вооружения в саргатских погребениях прежде всего маркирует статус, который мог определяться также и существовавшими в саргатском обществе гендерными стереотипами [Sharapova, Razhev, 2010]. В целом, хочется отметить перспективность биоархеологических исследований, прежде всего, в изучении социальной среды древних обществ. Сопоставление данных антропологического анализа и контекстуализация элементов материальной культуры могут дополнить существующие реконструкции социальных структур, поскольку гипотетические построения основаны не на принципе отсутствия / наличия признака в статистической выборке, а проводятся с привлечением данных физического состояния изучаемых индивидов (стрессы, нагрузки, возраст, состояние здоровья, половозрастные особенности и т. д.).

Анализируя приведенные примеры, можно отметить, что они иллюстрируют, прежде всего, элитные усилия по конструированию идентичности, так как официальная, элитарная культура возникает в противопоставлении себя традиционной культуре [Жуковская, 1988; Wells, 2006]. Считается также, что любая общность (группа) связана различными социальными отношениями с другими коллективами [Тишков, 2003. С. 117; Крадин, 2009. С. 15]. При этом практически всеми без исключения исследователями признается, что центральным моментом появления группы (в том числе социальной) является категория границы. Граница формирует идентичность [Тишков, 2003. С. 117], т. е. для самоидентификации гораздо более важна граница с другими. Та-

кие невербальные средства, как комбинации различных видов оружия и украшений, или же татуировки и деформация головы, позволяли индивидам создавать и выражать свою идентичность, поскольку не были ограничены известным и / или необходимым для общения набором слов.

Таким образом, в настоящей работе автор, опираясь на разные категории фактического материала, предложил поиск возможных символов идентичности. Практически каждый из предложенных примеров заслуживает отдельного исследования – перспективность их очевидна. Причем едва ли следует рассматривать различные формы идентичности отдельно друг от друга, в реальности они могли иметь какое-то общее значение и / или совпадать. Фрагментарность источника и важность свежих идей позволяют сделать заключение, что многие аспекты в археологии далеко не так ясны – они ждут ответов как на старые, так и на новые вопросы. Накопленный с течением времени материал нуждается в новом (на данный момент) эмпирическом обосновании, позволяя конструировать иные аналитические категории.

Список литературы

Алексеева Е. М. Бусы и подвески // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 237–239.

Булдашев В. А., Ковригин А. А., Корякова Л. Н., Косинцев П. А., Курто П., Махонина Г. И., Ражев Д. И., Потро Ж. П., Шаропова С. В. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: (Гаёвский могильник саргатской общности: антропологическое исследование). Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. 180 с.

Головнёв А. В., Зевако Ю. В. Русские и татары Среднего Урала: опыт локального исследования идентичности // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 149–151.

Довгалюк Н. П. Характеристика химического состава стеклянных бус из памятников саргатской культуры // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск, 1998. С. 54–79.

Жуковская Н. Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 197 с.

Ковригин А. А., Корякова Л. Н., Курто П., Ражев Д. И., Шарапова С. В. Аристократические погребения могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа: Гилем, 2006. С. 188–203.

Корякова Л. Н., Дэйр М. И., Ковригин А. А., Шарапова С. В., Берсенева Н. А., Пантелева С. Е., Ражев Д. И., Курто П., Хэнкс Б., Ефимова Е. Г., Каздым А. А., Микрюкова О. В., Сахарова А. О. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.

Крадин Н. Н. Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований: Сб. науч. тр. Барнаул: Азбука, 2009. Вып. 5. С. 9–19.

Малахов В. С. Неудобство с идентичностью // Вопр. философии. 1998. № 2. С. 43–53.

Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Саргатский могильник у д. Тютрина (по раскопкам 1981 г.) // Железный век Кавказа, Средней Азии и Сибири. КСИА. 1985. Вып. 184. С. 69–76.

Матвеева Н. П. Милитаризация общества // Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 145–166.

Матющенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 197 с.

Перерва Е. В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2002. Вып. 1–2. С. 141–151.

Погодин Л. И. Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском и Горьковском районах Омской области в 1989 г. (Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета фонд II, дело 65).

Ражев Д. И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН. 2009. 492 с.

Тишков В. А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 544 с.

Чекалина А. А. Самореализация и гендерная идентичность человека // Сб. науч. тр. КГУ. Краснодар, 2001. URL: [http://www.](http://www.aboutpsycho.ru/psychoart/5173-samorealizaciya-neobxodimyj-atribut-zhiznedeyatelno-shy-sticheloveka-interes)

[aboutpsycho.ru/psychoart/5173-samorealizaciya-neobxodimyj-atribut-zhiznedeyatelno-shy-sticheloveka-interes](http://www.aboutpsycho.ru/psychoart/5173-samorealizaciya-neobxodimyj-atribut-zhiznedeyatelno-shy-sticheloveka-interes)

Чекалина А. А. Гендерная психология: Учеб. пособие. М.: Изд-во «Ось-89», 2006. 256 с.

Шарапова С. В. Стилистическая вариативность зауральской керамики эпохи железа // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 43–52.

Шарапова С. В. Символика престижа в саргатской культуре (на примере феномена кольцевой деформации черепа) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 57–69.

Шнирельман В. А. Археологическая культура и социальная реальность: проблемы интерпретации керамических ареалов (препринт). Екатеринбург, 1993. 40 с.

A Companion to Social Archaeology / Eds. L. Meskell, R. W. Preucel. Oxford: Blackwell Publishing, 2007. 430 p.

Berseneva N. Women and Children in the Sargat Culture // Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe / Eds. K. M. Linduff, K. S. Rubinson. Walnut Creek: AltaMira Press, 2008. P. 131–151.

Binford L. Archaeological Systematic and the Study of Culture Process // American Antiquity. 1965. No. 31. P. 203–210.

Clarke D. Analytical Archaeology. L.: Methuen, 1968. 526 p.

Cooley Ch. H. Human Nature and Social Order. New Brunswick: Transaction Books, 1964. 444 p.

Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashov V., Courtaud P., Epimajov A., Gonzalez E., Kovrigin A., Kosintsev P., Langouet L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Rajev D., Sharapova S., Uge M.-C. Habitats et necropolis de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie: les fouilles de 1993 à 1997. P.: Diffusion de Brocard, 2002. 291 p.

Dawkins R. The Extended Phenotype. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1982. 307 p.

Hanks B. Reconsidering Warfare, Status, and Gender in the Eurasian Steppe Iron Age // Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe / Eds. K. M. Linduff, K. S. Rubinson. Walnut Creek: AltaMira Press, 2008. P. 15–34.

Hodos T. Local and global perspectives in the study of social and cultural identities // Material Culture And Social Identities In The An-

cient World / Eds. S. Hales, T. Hodos. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 3–31.

Joyce R. Girling the Girl and Boying the Boy: The Production of Adulthood in Ancient Mesoamerica // *The Archaeology of Identities: A Reader* / Ed. by T. Insoll. L.; N. Y.: Routledge, 2007. P. 77–86.

Koryakova L. Some Approaches to Ceramic Study // *Ceramic Studies. BAR International Series 553.* Oxford: Archeopress, 2006. P. 11–18.

Marquard O. Identität: schwundtelos und mini-essenz – bemerkungen zur genealogie einer aktuellen diskussion / Hrsg. K. Stierle. München: Fink, 1979. Bd. 7: Poetik und Hermeneutik. P. 347–369.

Mead G. H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ed. and with an Introduc. by Ch. Morris. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1967. 401 p.

Orton C., Tyres P., Vinse A. Pottery in Archaeology. Cambridge Manuals in Archaeology. N. Y.: Cambridge Univ. press, 1993. 269 p.

Pavlu I. Pottery Origins. Initial Forms, Cultural Behavior and Decorative Styles. Praha: Karolinum, 1996. 181 p.

Pike K. Emic and Etic Standpoints for the Description of Behavior // *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior* / Ed. by K. Pike. Glendale: Summer Institute of Linguistics, 1954. P. 8–28.

Pikirayi I. Ceramics and Group Identities: Towards a Social Archaeology in Southern African Iron Age Ceramic Studies // *J. of Social Archaeology.* 2009. Vol. 7. No. 3. P. 286–301.

Romanucci-Ross L., De Vos G. Ethnic Identity: Creation, Conflict, and Accommodation. Lamham: AltaMira Press, 1995. 400 p.

Sharapova S. V., Razhev D. I. Cranial Traumas and Social Power among Iron Age Forest-Steppe Populations in the Trans-Urals and Western Siberia // *EAA 16th Annual Meet-*

ing Abstracts Book. The Hague: Leiden University, 2010. P. 50.

Sharapova S. V., Razhev D. I. Skull Deformation during the Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia // *The Bioarchaeology of the Human Head: Decapitation, Decoration, and Deformation* / Ed. by M. Bonogofsky. Gainesville: Univ. Press of Florida, 2011. P. 203–227.

Shaw P., Wong Y. Genetic Seeds of Warfare. Evolution, Nationalism and Patriotism. L.: Routledge, 1989. 239 p.

Shennan S. Genes, Memes and Human History: Darwinian Archaeology and Cultural Evolution. N. Y.: Thames and Hudson, 2003. 304 p.

Sofaer J. Engendering Children, Engendering Archaeology // *The Archaeology of Identities: A Reader* / Ed. by T. Insoll. L.; N. Y.: Routledge, 2007. P. 87–96.

Sørensen M. L. S. Gender Archaeology. Oxford: Polity Press, 2000. 236 p.

The Archaeology of Identities: A Reader / Ed. by T. Insoll. L.; N. Y.: Routledge, 2007. 335 p.

Wiessner P. Style and Social Information in Kalahari San Projectile Points // *American Antiquity.* 1983. Vol. 48. No. 2. P. 253–276.

Wells P. Mobility, Art, and Identity in Early Iron Age Europe and Asia // *The Golden Deer of Eurasia.* N. Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2006. P. 18–23.

Wells P. Beyond Celts, Germans and Scythians. L.: Duckworth, 2004. 160 p.

Wobst M. Stylistic Behavior and Information Exchange // *For Director: Research Essays in Honor of James B. Griffin* / Ed. by Ch. E. Cleland University of Michigan Museum of Anthropology, Anthropological Papers. 1977. Vol. 61. P. 317–342.

Материал поступил в редколлегию 08.11.2011

S. V. Sharapova

SOCIAL AND CULTURAL IDENTITY AND POSSIBLE INTERPRETATIONS OF THE ANCIENT MATERIAL CULTURE

The concept of identity is one of the most recent in cultural anthropology and archaeology. Iron Age societies of the temperate Eurasia were for the most part non-literate. One may presume that in such societies, memory plays greater role in preservation of tradition, and various social groups had non-verbal behaviours – combinations of clothing, body decoration, other norms and media. It also used to be that people of the Sargatskoye culture could create and express their identity. The brightest examples are represented by small numbers of intact burials (Sidorovka, Isakovka and Tutrino cemeteries) as well as by other less blatant collections. With the questioning of the concept of identity the article examines recent archaeological thoughts and evaluate some elements of non-verbal media that offer possibilities to study cultural, social and group identity derived from burial mounds data.

Keywords: Trans-Urals, early Iron Age, material culture, identity.